

Е. В. Генералова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Аннотация

Субстантивация интерпретируется как динамически изменяющийся, развивающийся процесс. В статье рассматриваются модели субстантиватов в старорусском языке XV–XVII вв., делаются выводы об особенностях семантики, грамматической природе, употребительности разных моделей (наиболее многочисленными оказываются субстантиваты — обозначения лица, названия пошлин и названия грамот). Обсуждается вопрос лексикографического представления субстантивированных прилагательных.

Ключевые слова: субстантивированные прилагательные, русский язык XV–XVII вв., семантика, модель, узуальная и окказиональная субстантивация, функционирование в памятниках.

LEXICAL-SEMANTIC GROUPS OF SUBSTANTIVIZED ADJECTIVES IN THE HISTORY OF LANGUAGE

Summary

Substantivation is presented as a dynamically changing, developing process. In the article models of substantivized adjectives in the Russian Language of XVth–XVIIth centuries are described. Also the conclusions are made about semantics, grammar and functioning of different models of substantivates (the designations of persons, charters and duties appeared to be the most numerous). The question of lexicographical representation of substantivized adjectives is also discussed.

Key words: substantivized adjectives, russian language of XVth–XVIIth centuries, semantics, model, usual and occasional substantivation, functioning in the texts.

Разными исследователями неоднородное явление субстантивации интерпретируется с разных точек зрения, которые взаимодополняют одна другую. Интересно отношение субстантивации к диахронно-синхроническому разграничению материала. С одной стороны, никто из исследователей не отрицает активность процессов субстантивации в современном языке, и Е. А. Земская особо подчеркивает, что это регулярный переход, кроме того, отмечает среди морфолого-синтаксических способов способ именно синхронного словообразования¹. С другой стороны, субстантивация — достаточно древний способ словообразования, и в этом смысле интересно изучение процесса в истории языка в преемственности и одновременно своеобразии.

Относительно древности процесса субстантивации кажется убедительной точка зрения Е. И. Аюповой: говорить о субстантивации правомерно лишь после распада древнейшего синкретизма имени². Исследуя материалы памятников XI–XVII вв. на предмет истории русского словообразования, Ю. С. Азарх пишет, что древнейшими субстантиватами являются образования со значением лица (по происхождению прилагательные мужского рода или множественного числа)³. В книжно-церковных текстах достаточно рано возникают субстантивированные прилагательные в форме среднего рода, чаще множественного числа, в большинстве случаев — кальки с греческого.

Субстантивация — развивающийся процесс, и количество субстантиватов в языке растет со временем. В старорусском языке частотны разные модели.

1.1. Самой многочисленной в языке XV–XVII вв. по-прежнему остается **группа субстантиватов со значением лица**, но семантика этих образований несколько иная, чем в древнерусском. Например, непродуктивной становится группа обозначений жены по мужу — субстантивированные прилагательные в форме женского рода (*дьяконова, королева*)⁴.

1.1. В памятниках обиходного и делового языка XV–XVII вв. чаще всего встречаются субстантиваты, по образованию прилагательные

¹ Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

² Аюпова Е. И. Субстантивация в группе наименований ребенка в русском языке // Исследования по русскому языку: Сб. ст. к 70-летию проф. Э. А. Балалыкиной. Казань, 2007.

³ Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 113.

⁴ Там же.

в форме мужского рода или множественного числа, **наименования лица по характерному признаку**. Характерным может выступать некий внешний (*беззубый, бородатый, горбатый, безрукий, брюхатый*) или внутренний выдающийся признак (*богатой, глупый (глупые), умный, мудрый, ленивый*).

С функциональной точки зрения подобные субстантиваты очень типичны для пословиц: Беззубому орѣхъ и зубатому не грѣхъ (Сим. Послов., с. 82, XVII в.); Бгъ суди виноватова хто обидит бородатова (Сим. Послов., с. 81, XVII в.) (*бородатый* ‘крестьянин, бедняк’); Для умнова печать а для глупова замокъ (Сим. Послов., с. 95, XVII в.). Но их появление закономерно и в других текстах разнообразной жанровой принадлежности (что является свидетельством их наличия в лексической системе языка соответствующего периода). См., например: Безрукие, выграйте в гусли; буявые, воскликните бражником песни безумия; безногие, возкочите... Глухие, потешно слушайте; нагие, веселитесь, ремением секитесь, дурость к вам приближается (Служба кабаку, с. 48, XVII в.); Умный фастат отцом-матерью... Глупой фастат добрым конем (Ист. песни, с. 345, XVI в.); Сошли мнѣ Бог глупово [glupovo], богатово, у кого я умѣю принять (Разг. Фенне, с. 383, 1607 г.); Глухой — głuchy, глухая — głuska (Двор тур. султ., с. 290, 2-я пол. XVII в.) (зафиксирован даже субстантиват в форме женского рода).

1.2. Для языка памятников старорусского языка характерны субстантиваты — **наименования лица, указывающие на имущественный статус** путем характеристики какого-либо признака, связанного с этим (всегда бедственным) социальным положением: *голенькие, нагие, босые*. Субстантивация таких прилагательных происходит в форме множественного числа, т. к. это обозначение группы населения. Ср.: Люди богатые живут славно, а голенких не ссужают, на беду себе денги копят (Азб. о гол. и небог., с. 32, сер. XVII в.) (характерна антонимия словосочетания *богатые люди* и субстантивата *голенькие*); Да не бьют, не мучат нагих, босых, и из раю нагих, босых не выгонят (Пов. Гор.-Зл., с. 111, XVII в.) (формула *нагие-босые* — устойчивое сочетание в языке этого периода, деловая формула, выражающая смирение и самоуничижение).

1.3. Другая группа субстантиватов, обозначающих группу населения (субстантивация также происходит в форме множественного числа), это **наименования лица** не столько по имущественному, сколько **по социальному положению**: *большие, средние, меньшие*.

Возможна была и более узкая социальная семантика — в этом случае субстантиваты означали положение не в обществе, а в семье.

Так, субстантивирюясь в форме мужского рода единственного числа, *большой* означает ‘глава семьи, хозяин дома’: Большой в доме что ханъ в Крыму (Сим. Послов., с. 82, XVII в.), в форме множественного числа *большие, старшие* означают ‘взрослые’: И к болшим быти послушну (Дм., с. 33, XVI в.); ни прилагательное *взрослый*, ни субстантиват *взрослые* в этот период не фиксируются.

1.4. Особо следует сказать о группе субстантиватов — обозначений лиц по профессиональным занятиям: *окольничий, стряпчий, подъячий, стремянной, ближний* и т. д.). Таких слов немало и в современном языке (*пожарный, заведующий* и др.). Наблюдение за функционированием таких существительных в языке памятников XVI–XVII вв. позволяет увидеть различные стадии субстантивации этих лексем. Так, слово *стремлянной* известно в языке этого периода как полноценное прилагательное (в сочетаниях *стремлянной двор, стремянной приказ*) и при обозначении профессии используется в основном в словосочетаниях (*стремлянной конюх, стремянные стрелцы*); субстантиваты единичны, например: Да того жъ дни, какъ послы будутъ къ Москвѣ, велятъ бытъ на встрѣчѣ спалникомъ, столникомъ, стряпчимъ... подъячимъ, стремяннымъ... торговымъ людямъ посотенно, нарядись по посолскому обычаю, у кого какихъ нарядовъ прилучилось (Котошихин, с. 50, 1667 г) (субстантиват *стремлянные* использован в кругу других субстантиватов, т. е. при эллиптическом механизме субстантивации можно наглядно видеть и действие закона аналогии).

Слово *ближний* находилось в «более продвинутой» стадии субстантивации, активно используясь в языке XVI–XVII вв. и как прилагательное, и как субстантивированное существительное, в том числе со значением профессии — ‘приближенный к правителю, имеющий право доступа в покои’. По текстам нетрудно восстановить исходные словосочетания *ближние люди, ближний человек* и др.: А до 15 лѣтъ и болши царевича окромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ (Котошихин, с. 14, 1667 г.); А примать вас будет королевского величества ближней человек маршалок де Бельфон в здешнем местечке Кролеве (Ст. сп. Потемкина, с. 246, 1669 г.); А какъ царица пойдет въ мылню, и съ нею мать и иные ближняя жены и сваха, и осматриваютъ еѣ сорочки (Котошихин, с. 10, 1667 г.), в результате сворачивания этих исходных словосочетаний возникают субстантиваты *ближний* и *ближние*: А послѣ обѣдни жаловалъ великий государь бояръ и околничихъ, и ближнихъ и всякихъ чиновъ людей, имянинными пирогами (Выходы ц. в. к., с. 419, 1664 г.).

Высокочастотно в памятниках XVI–XVII вв. слово *стряпчий*, обозначающее придворного, выполняющего различные поручения (значение ‘поверенный’ устанавливается позже). Эта лексема известна только как обозначение профессии и преимущественно как субстантиват: послано наперед съ стряпчими: шапка горлатная другого наряду, колпакъ большой (Выходы ц. в. к., с. 8, 1633 г.), челобитье стряпчего Федора Семенова сна Воеикова (МДБП, с. 218, 1676 г.). Однако есть несколько контекстов, в которых слово *стряпчий* используется как прилагательное в сочетании *стряпчий конюх*, обозначающем человека, в обязанности которого входило наблюдение за царскими лошадьми и каретами: Бьет челом холоп твой стряпчеи конюгъ Евсютка Верещагинъ (МДБП, с. 231, 1679 г.); И я... сие отписку послал от стану до стану с стряпчими конюхами (РД II-2, с. 23, 1670 г.).

Примером конечной стадии субстантивации, полной субстантивации, может служить хорошо известное в языке этого периода древнее слово *окольникчий*, обозначающее один из высших боярских чинов: князь Борис Александрович Репин да окольникчи Василей Иванович Стрешневъ (МДБП, с. 262, 1642–43 гг.); А съ царемъ ъхалъ къ Москве окольникчи Володимерь Васильевичъ Морозовъ (ДТП II, с. 54, 1552–1618 гг.).

1.5. Немногочисленна группа субстантиватов — указаний на место происхождения человека. Ведущая роль при указании на связь человека с определенной местностью принадлежит в этот период конструкциям с оттопонимическими прилагательными (*рузские прикацики, болхавский торговый человек, московский пушкар* и т. д.)⁵. Субстантиваты же с такой семантикой известны исключительно в форме множественного числа как обозначения совокупности людей. Такие образования, во-первых, встречаются в тексте Вестей-Курантов — от прилагательных, образованных от иноязычных существительных (*гданьские, гесские* и др.), а во-вторых, единичны в некоторых деловых памятниках: И кирилловским соловецких тако же речками з бревны и с дровы пропуцати в весне до рыбные ловли и до красные рыбы (АСМ, 1580 г.). Субстантиват *братские* зафиксирован как обозначение народности бурятов (Грамотки, № 300, XVII — нач. XVIII в.).

⁵ См. подробнее: Генералова Е. В. Прилагательные, образованные от топонимов: проблема семантической и лексикографической информативности // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 6 / отв. ред. О. А. Черепанова. СПб., 2005. С. 41–51.

2. В нескольких (непродуктивных) группах субстантиватов восстанавливается другой опорно-семантический компонент (не ‘человек’), субстантивация здесь тоже эллиптического происхождения. Это, во-первых, **субстантиваты — названия Бога** (*Вышний, Всевышний, Всемогущий, Высочайший*), образованные в форме единственного числа мужского рода от прилагательных, являющихся часто употребительными эпитетами Бога, и использующиеся в памятниках самой разной жанровой и стилистической принадлежности.

Во-вторых, это **субстантиваты, обозначающие животных** (*борзые, вороной, вороные*). В дневнике Р. Джемса зафиксировано субстантивированное в форме мужского рода единственного числа прилагательное *глухой* для обозначения тетерева (наряду с ним используются и расчлененное наименование *глухой тетерев*, и суффиксальное образование *глухарь*: Джемс, с. 3, 1619 г.).

В целом на примере самой многочисленной группы субстантиватов — указаний на лицо, группы, активной и в современном языке, можно наблюдать сам механизм субстантивации: прежде всего эллиптический (в абсолютном большинстве случаев легко восстановить опущенные слова *человек, люди*), но в ряде случаев и аналогический.

Грамматически для обозначений лица используется преимущественно форма мужского рода, чаще единственного числа, в исключительных случаях форма женского рода. Ю. Б. Смирнов отмечает, что «субстантивированные прилагательные, не относящиеся к мужскому роду, весьма разнородны в семантическом отношении и могут обозначать как людей, так и различные неодушевленные сущности», в то время как «результаты субстантивации прилагательных мужского рода предсказуемы и однозначны: в субстантивате всегда присутствует семантический компонент ‘человек’»⁶. Таким образом, как подчеркивает Ю. Б. Смирнов, лексические свойства этой группы субстантиватов оказываются обусловленными их грамматическими признаками, в связи с чем список потенциальных субстантиватов мужского рода — окказиональных субстантиватов — является открытым, включая слова с разной степенью субстантивации, и практически любое прилагательное может быть субстантивировано

⁶ Смирнов Ю. Б. О разграничении окказиональных и узуальных субстантивированных прилагательных (лексикографический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 9. Вып. 4. С. 61.

в форме мужского рода⁷. То есть группа субстантивов — обозначений лица едва ли может быть инвентаризирована.

В деловом языке XVI–XVII вв. самыми многочисленными являются две следующие группы субстантивов: названия пошлин и названия грамот.

3. Субстантивы — обозначения пошлин — это обозначения в форме среднего рода единственного числа (*бражное* ‘пошлина за право варить брагу’, *береговое* ‘пошлина, взимаемая за охрану чего-либо’, *борчее* ‘пошлина в пользу сборщика податей’, *восьмьничее* ‘торговая пошлина, составляющая восьмую часть дохода’, *воротное* и др.). См., например: И кто у них [монахов] в их дворе учнет жити людей, — и тем людям не надобе моя, княжо Андреева Ивановича, дань, ни ямские деньги, ни посошная служба..., ни бражное, ни поворотное, опричь перевоза (АФЗХ II, с. 122, 1534 г.); А лъсу без берегового Иван Яковълевич не дает, просить за сто по полуполтине, за три года щитае три рубли, а нам, гсдрь, платит нечем, голодную смертьтю помираем, а Федор Ильичъ запълатил на Москвѣ береговое Ивану Яковълевичу Рагозину (ПНРЯ, с. 56, XVII в.). Примеры таких образований многочисленны. К этой группе близка группа обозначений платы за какую-либо работу: *головное* ‘то, что пожаловано голове, начальнику’, *годовое* ‘жалование на год’, *банное* ‘плата за посещение бани’ и др.

Основная масса таких образований представляет собой прилагательные в форме среднего рода единственного числа, при этом большинство используется и как прилагательные в других словосочетаниях, ср.: *борчее*, с. и *борчие книги*, *воротное*, с. и *воротные петли*. Для таких субстантивов (по образованию — прилагательных в форме среднего рода единственного числа) принципиально невозможно установить исходное словосочетание и восстановить опущенное существительное. Это так называемая деэтимологизированная субстантивация — субстантивация, не сохраняющая живые связи с базовым словосочетанием. Очевидно, большинство субстантивов — названий пошлин возникает не путем эллипсиса, а по аналогии, в результате чего ряд таких образований (например, *восьмьничее*) — полные субстантивы.

Гораздо реже обозначения пошлин субстантивируются в форме женского рода (здесь как раз можно реконструировать существительное *пошлина*), ср.: *выезжая* ‘пошлина, взимаемая при выезде с торговых и промышленных людей’. При этом в современном языке для субстантивов, обозначающих платежи, финансовые суммы

⁷ Там же. С. 62.

и т. д., фиксируется форма множественного числа (*наличные, премиальные, отпускные*) и восстанавливается опорный семантический компонент 'деньги'.

4. Субстантиваты — названия грамот — это образования принципиально другого рода, такие слова известны и как субстантиваты, и как прилагательные в сочетаниях с определяемым *грамота*. Субстантивация, имеющая место в форме женского рода единственного числа, носит безусловно эллиптический характер. Субстантивированных образований такого рода насчитываются десятки: *беглая, бессудная, ввозная, выводная, данная, проезжая, духовная, правая* и т. д. См., например: А суд боярской: которому намеснику дано, и ему давати полные и докладные; а правые и беглые давати з доклада, а без доклада правые не давати (Судебник 1589 г., с. 428); А хотя на них бессудную возьмет не по тем их срокам, — и та бессудная не в бессудную (АФЗХ II, с. 145, 1539 г.). Даже зафиксированные только в словосочетаниях прилагательные обнаруживают явную тенденцию к субстантивации; каждое прилагательное, использующееся терминологически в сочетании со словом *грамота*, потенциально может быть субстантивировано в форме женского рода единственного числа.

5. Для церковно-книжных контекстов типичны иные субстантиваты — образования с абстрактной семантикой. Субстантивация прилагательных происходит в форме среднего рода множественного числа (*благая, благодотребная, земная, годная*) и среднего рода единственного числа (*тленное, временное, вечное*). Последняя модель является очень продуктивной, хорошо известна и в современном языке (*разумное, доброе, вечное*). Е. И. Аюпова отмечает, что грамматическая форма среднего рода и контексты словоупотребления доказывают их изначальную обусловленность местоимениями типа *что-то, нечто, все*, выступавшими в роли определяемого слова; абстрактность семантики обеспечивает легкость перехода от прилагательных к существительным и продуктивность модели⁸.

6. Фиксируется небольшая группа субстантиватов — пространственных обозначений, см., например: *поднебесная, вышняя* 'небеса как место пребывания Бога'. Здесь интересна субстантивация прилагательного *вселенный*. В языке XVI–XVII вв. это слово функционирует и как прилагательное, и как субстантиват. В качестве прилагательного слово *вселенный* встречается преимущественно в составе устойчивых сочетаний *вселенный мир* (в заключительной формуле

⁸ Аюпова Е. И. Субстантивация в группе наименований ребенка в русском языке. С. 22.

о вечном поминовении во вкладных списках) и *вселенная земля*: Поминаги им [игумену Лаврентию с братией] сына моего [Т. Дмитриева] докуле мир вселенный стоит и та чесная обитель (АФЗХ II, с. 334, 1566 г.); Донележь Богъ благоволитъ Пречистые дому стояти и миръ вселенный, а изъ списковъ насъ [Василья и его сестру] не выгладити (А. Угл., с. 79, 1586 г.), т. е. сочетаемость этого прилагательного в исследуемый период уже не свободная, и условия употребления ограничены. Субстантивируется слово в форме женского рода единственного числа (как опорный компонент восстанавливается 'земля'), находясь, таким образом, в ряду подобных субстантиватов с пространственной семантикой: Разумееш ли кончину арапа онаго, иже по вселенной и всеа руския державы летал, яко жюк мотыльный... Паисей Александрейский епископ? (Авв. Письма, с. 225, 1676 г.); Вселенна [wselenna], Weerelt (Разг. Хеймера, л. 11 об., кон. XVII в.).

7. Особые субстантиваты от прилагательных фиксируются в формирующемся в конце XVI–XVII вв. официально-деловом стиле. **«Официально-деловые» субстантиваты** (*вышепомянутое, выше-реченное*) образуются от прилагательных-комполит, лексикализующихся в форме среднего рода единственного числа. См., например: И о вышереченном млсти прошу [И. Кольцов] и стократно челом бью (ПНРЯ, с. 66, XVII в.); За симъ вѣчных блгъ желател а любви твоеи всегда искател Фегка Мусинъ Пушкинъ прося о вышепомянутом [выполнить работу и прислать узду] млсти премного челом бьет (Грамотки, № 311, XVII–нач. XVIII в.).

Можно также упомянуть о немногочисленных, только оформляющихся в группы субстантиватах — обозначениях неких конкретных предметов (*воровское* 'краденое', *атласное, камчатное, бархатное* 'одежда из соответствующего материала', *вотчинное* 'строение и имущество, составляющие наследственную собственность') и процессов (*всенощное и всенощная* и др.)

В целом в языке этого периода не так много полных субстантиватов (неизвестных как прилагательные), в основном это названия должностей и пошлин. Большинство же широко употребительных субстантиватов неполные, известны в языке и как прилагательные, и как существительные, например: Указъ, как лѣчити болныхъ людей (Леч. Щук., л. 1, кон. XVII — нач. XVIII в.) и А болных и раненых застали мы 2000 (Пов. аз. ратн. сид., с. 80, 1642 г.).

Можно видеть, что субстантивация представляет собой развивающееся историческое явление. При его рассмотрении следует постоянно иметь в виду тесную взаимосвязь трех аспектов: грамма-

тического, лексико-семантического и функционально-стилистического. То есть, например, говоря о преобладании субстантивации в форме среднего рода множественного числа (*благая, добрая* и др.), следует обязательно указать на абстрактную семантику таких образований, их высокую стилистическую окраску и употребление в книжных контекстах.

Не останавливаясь подробно на дискуссии о разграничении узальной и окказиональной субстантивации в современном русском языке, заметим, что критерии такого разграничения в истории языка оказываются не однозначны. В диахронии определение узальности субстантивации особенно затруднительно, так как количество дошедших до нас контекстов ограничено, смоделированные контексты и переложения заданного текста в принципе невозможны, и наконец, в ряде случаев мы наблюдаем процесс субстантивации «в процессе».

То есть в истории языка скорее можно основываться на большей или меньшей употребительности образований, как ни зыбок этот критерий. В связи с этой сложностью выделения узальных субстантиватов в истории языка представляется, что лексикографически все неполные субстантиваты необходимо подавать не отдельной статьей, а в рамках словарной статьи на имя прилагательное. Языковая реальность такова, что субстантивация — это исторический процесс, объединяющий разнородные явления, имеющий свою специфику на каждом историческом этапе.

Сокращения

- Авв. Письма — Аввакум. Письма // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960.
- Азб. о гол. и небог. — Азбука о голом и небогатом человеке // Русская демократическая сатира XVII века / подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954.
- АСМ — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / сост. И. З. Либержон. Л., 1990.
- А. Угл. — *Шумаков С.* Угличские акты (1400–1479 гг.) // Чтения в Обществе истории древностей российских. 1899. Кн. 1. Отд. 1.
- АФЗХ II — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. II. М., 1958.
- Выходы ц. в. к. — Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев (1632–1682 гг.) / сообщ. П. М. Строев. М., 1844.
- Грамотки — Грамотки XVII–начала XVIII в. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова / под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

- Двор тур. султ. — *Старовольский С.* Двор турецкого султана: по шести переводам второй половины XVII в. (расписан русско-польский словарь из докт. дис. Е. М. Иссерлин «Лексика русского литературного языка 2-й пол. XVII в.» Л., 1961.).
- Джемс — *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959.
- Дм. — Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.
- ДТП II — Дела тайного приказа. Кн. II // Русская историческая библиотека. Т. 22. СПб., 1908.
- Ист. песни — Исторические песни XIII–XVI веков (по спискам XVIII–XX вв.) / изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
- Котошихин — *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859.
- Леч. Щук. — Указ как лечити больных людей // Государственный исторический музей. Собр. Щукина. № 290).
- МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.
- ПНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия / изд. подгот. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965.
- Пов. аз. ратн. сид. — Поэтическая повесть об азовском осадном сидении 1642 г. // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949.
- Пов. Гор.-Зл. — Повесть о Горе-Злочастии // Русская повесть XVII в. / подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц; сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1954.
- Разг. Фене — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / ed. By L. L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. II: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.*
- Разг. Хеймера — *Niederländisch-russische Gesprächsbuch von J. Heemer. 1696 // Günther E. Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jahrhundert. Berlin, 1964 (ротапринт).*
- РД II-2 — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. Т. II, Ч. 2. М., 1959.
- Сим. Послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / собрал П. Симони // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 66. СПб., 1899.
- Служба кабаку — Служба кабаку: праздник кабацких ярыжек // Русская демократическая сатира XVII в. // подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954.
- Ст. сп. Потемкина — Статейный список П. И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.
- Судебник 1589 г. — Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 года // Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956.